

**КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК САРГАТСКОЕ-IV.
К СПЕЦИФИКЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИИРТЫШЬЕ В КОНЦЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ
(по материалам погребальных комплексов)**

Погребальные памятники являются одним из наиболее информативных видов археологических источников при изучении вопросов межкультурного взаимодействия, особенностей культурно-исторических процессов и вопросов хронологии. В полной мере это относится к погребальным комплексам заключительного периода эпохи бронзы лесостепного Прииртышья. В статье публикуются материалы исследованного кургана могильника Саргатское-IV в Омской области, оставленного, по мнению авторов, носителями синкретичной культуры лесостепного Прииртышья конца эпохи бронзы, сложившейся в результате взаимодействия местного андронидного и пришлого из Приобья (или Барабы) населения ирменской культуры. С привлечением всех известных и исследованных погребальных комплексов этого времени в Прииртышье в публикации ставятся вопросы о специфике культурно-исторической ситуации в регионе, о регулярном и продолжительном взаимодействии ирменского и андронидного населения Прииртышья. Культурную принадлежность последнего авторы определяют как сузгунскую, исходя из культурно-хронологической схемы, согласно которой генетически связанные пахомовские и сузгунские древности характеризуют два последовательных этапа, отражающих хронологически различные стадии процесса трансформации андронидного культурного комплекса, что подтверждается в том числе материалами рассматриваемых погребальных памятников. В связи с этим авторы обращают внимание на альтернативную схему синхронизации ирменских и андронидных древностей, реконструируемую новосибирскими коллегами на материалах Барабы.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, погребальные памятники, финальный период эпохи бронзы, андронидная культурно-историческая общность, пахомовская культура, сузгунская культура, среднеиртышский («розановский») вариант ирменской культуры.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-04

Введение

Погребальные комплексы, относящиеся к древностям андронидной культурно-исторической общности западно-сибирской лесостепи, попали в поле зрения археологов еще в середине прошлого века. Тем не менее на исходе восьмого десятилетия изучения можно с полным основанием констатировать, что могильники постандронидского периода эпохи бронзы на территории лесостепной и предтаежной зон Западной Сибири все еще исследованы (и продолжают изучаться) крайне неравномерно. Любопытно, что диспропорция проявляется в традиционном для археологии ключе – в соотношении исследованных поселенческих и погребальных комплексов, но при этом неодинаково в разных регионах. Если на востоке ареала, в Обь-Иртышской лесостепи (в первую очередь мы имеем в виду Барабу) к настоящему времени изучены уже сотни погребений этого времени, то на пространстве от Иртыша до Тобола количество исследованных и опубликованных погребальных комплексов продолжает исчисляться единицами – при гораздо более заметном количестве изученных и опубликованных поселенческих объектов. С одной стороны, этот дисбаланс объективно приводит к появлению (на базе, главным образом, барабинских материалов) новых

гипотез и интерпретаций межкультурного взаимодействия и культурогенеза в рамках культурно-исторических общностей эпохи бронзы, а с другой – существенно затрудняет верификацию новых материалов и концепций с уже имеющимися, построенными на основании преимущественно поселенческих комплексов.

В этой связи возрастает ценность публикации каждого нового памятника, характеризующего погребальные комплексы эпохи поздней и финальной бронзы Тоболо-Иртышья, будь то совершенно «свежие» материалы или же ранее полученные, но «запоздавшие» к введению в научный оборот. Тем более что именно в лесостепном Прииртышье за последние два десятка лет открыт целый ряд могильников эпохи поздней бронзы и переходного времени: Батаково-XXI [Погодин, Полеводов, Плешков, 1997, с. 121], Боровянка-XVII [Погодин, Полеводов, 2006, с. 120, рис. 1], Боровянка-XVIII, XXIII, XXVII [Полеводов, 2008, с. 72, рис. 1, 3], Омская крепость-II, III [Герасимов и др., 2015, с. 206].

Описание материалов

В 2004 г. одним из авторов настоящего сообщения была исследована одна из насыпей курганного могильника Саргатское-IV, расположенного примерно в 60 км севернее Омска (рис. 1). Могильник в составе пяти курганных насыпей был выявлен еще в 1969 г. известным археологом-сибиреведом В.А. Могильниковым. В ходе повторного обследования в 1990 г. М.Ю. Сафаровым было установлено наличие еще 11 насыпей округлой в плане формы. Таким образом, могильник включал не менее 15 насыпей (часть из которых распаивается), вытянутых цепочкой вдоль северного и северо-восточного берега озера, приуроченного к западной кромке пойменной гривы в левобережье р. Иртыш. Размеры насыпей колеблются в пределах от 4 до 22 м в диаметре, от 0,25 м до 2,2 м в высоту.

Для раскопок был выбран курган №12, диаметром около 14 м и 0,8 м в высоту. Насыпь выглядела оплывшей, хорошо задернованной, следы грабительских раскопок визуально не фиксировались. Скорее всего, ранее курган распаивался. В связи с тем, что уже вскоре после начала разборки насыпи на ее периферии обнаружилось наличие ровиков, конфигурация раскопа с первоначально выбранной радиальной формы была изменена на квадратную, совпадающую с предполагаемой конфигурацией ровиков. При снятии насыпи, представленной преимущественно темно-серой супесью с вкраплениями более светлых тонов, выяснилось, что, во-первых, в ее толще встречаются многочисленные находки: мелкие фрагменты керамики (около 350), зубы и кости травоядных животных (преимущественно лошади), комочки обожженной глины, скопления рыбьей чешуи и жаберные крышки, а во-вторых, насыпь кургана оказалась насквозь пропитана влагой (грунтовые воды щелочного состава). Насыщенность кургана агрессивными водами в течение последних десятилетий (или даже столетий) отрицательно повлияла на сохранность находок. Из-за этого, в частности, не удалось полноценно зафиксировать фрагмент бронзового изделия, найденный в верхних горизонтах насыпи, примерно в 4 м к север-северо-западу от ее центра. Непосредственно в процессе раскопок были извлечены отдельные чешуйки размером 2×3 и 6×6 мм. Скорее всего, изначально оно представляло собой бронзовую пластину малой толщины. Насколько изделие могло быть связано с курганным комплексом, также остается неясным, в то время как находки керамики, большинство из которых, судя по орнаментации, относятся к андроновской (федоровской) культуре, и костей животных достаточно

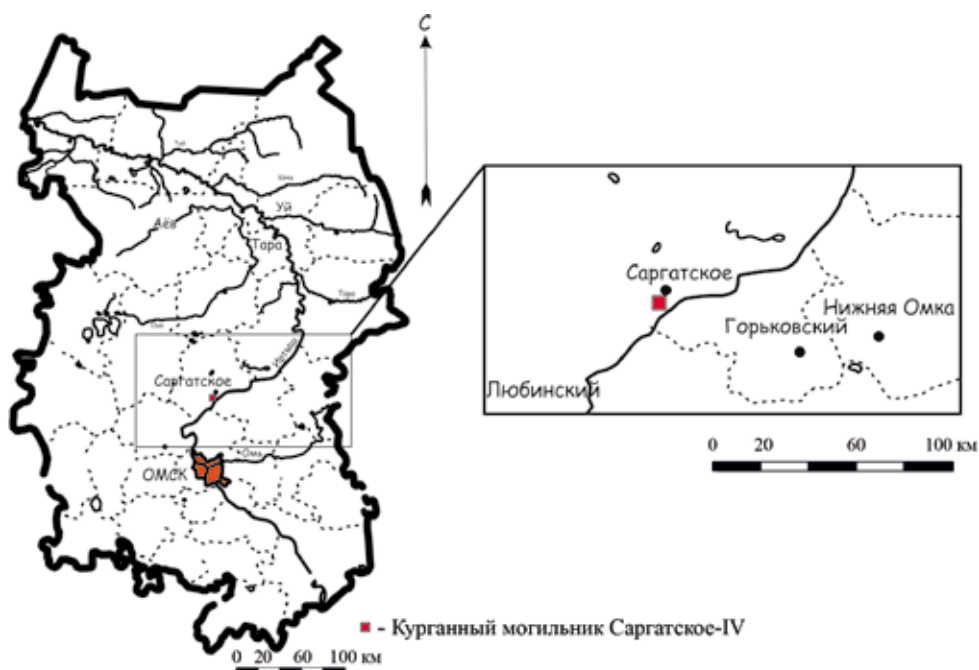

Рис. 1. Карта Омской области с указанием места археологических раскопок

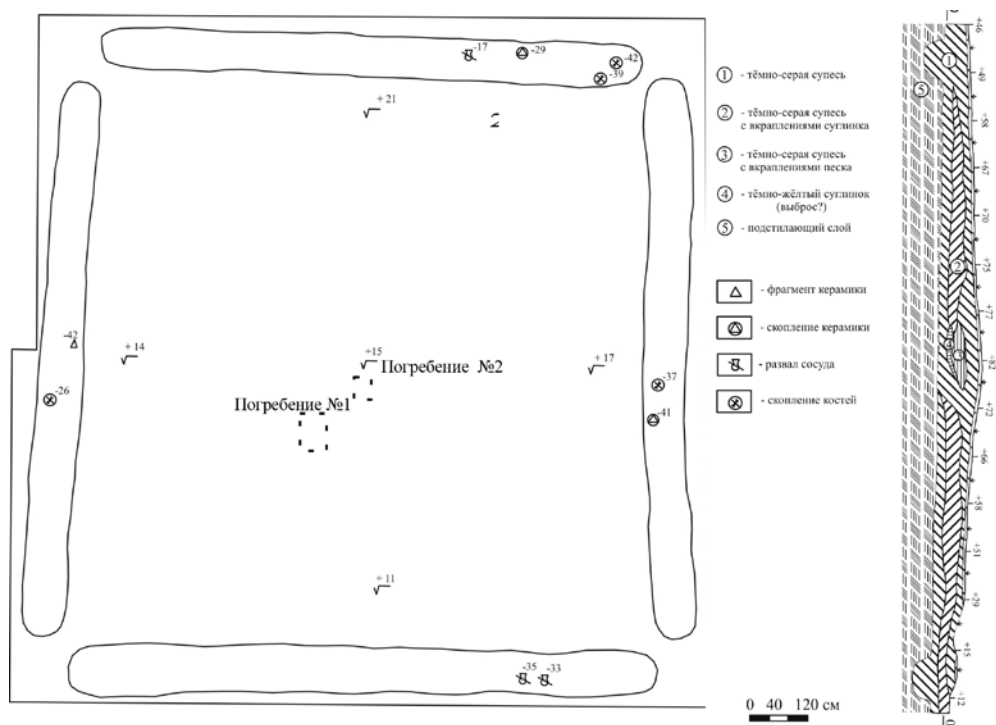

Рис. 2. Курганный могильник Саргатское-IV. План объектов кургана №12

уверенно можно интерпретировать как поселенческие остатки, не имеющие прямого отношения к погребению. Их попадание в толщу насыпи, судя по всему, связано с ее формированием из пластов грунта, изъятых из поселенческого слоя, находящегося, по всей видимости, за пределами могильного поля, поскольку ни на погребенной почве, ни на материке никаких объектов, могущих быть связанными с поселением, выявлено не было.

Непосредственно с погребальным комплексом (рис. 2) связаны остатки погребений (погребения?), обнаруженные в центральной части насыпи, и комплекс ровиков, оконтуривающих пространство примерно 12×12 м. Собственно погребения представлены двумя компактными скоплениями человеческих останков, расположенных в самом центре кургана, на сравнительно небольшом расстоянии (0,7–0,8 м) одно от другого, в силу чего автор раскопок описал их как два отдельных объекта.

Погребение 1 (рис. 3.-1) располагалось примерно в 0,8 м к юго-западу от центра кургана, представлено остатками раздавленного черепа* без лицевых костей; сохранились только кости черепного свода, верхняя челюсть, носовая и лобная части, хотя в целом анатомический порядок их сохранен. Череп лежал на левой стороне, сохранившаяся лицевая часть обращена на юго-восток. Диаметр свода черепа около 16 см, по-видимому, он принадлежал женщине или подростку. В 25 см севернее данного черепа обнаружена массивная нижняя челюсть (расстояние между головками суставов 12 см). Судя по зубам, челюсть принадлежала мужчине возмужалого возраста. Рядом с челюстью находились обломок ключицы, обломок лопаточной кости, фрагмент затылочной кости и четыре мелких кости стопы. В 15 см к северо-западу от черепа находился фрагмент шейного отдела человеческого позвоночника (восемь позвонков в анатомическом порядке), лежащий по линии СЗ–ЮВ. Весь костный материал, в особенности кости черепа и позвоночника, крайне плохой сохранности. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (рис. 3.-2) располагалось непосредственно в центре насыпи (на перекрестии бровок) и представлено также остатками человеческого черепа с плохо сохранившимися костями черепного свода (лежавшего теменной частью в направлении на север) и фрагментом верхней челюсти с уцелевшими резцами и премолярами. Диаметр свода черепа около 20 см. Судя по размерам черепа и зубам верхней челюсти, останки принадлежали мужчине возмужалого возраста. Сопроводительный инвентарь также отсутствовал.

При этом сохранившиеся антропологические останки располагались непосредственно на материке (темно-желтом суглинке), из чего можно заключить, что, скорее всего, изначально погребенные были помещены в грунтовую яму (ямы?), вырытую в древнем почвенном слое без заглабления в «материк». Уровень и толщину этого (погребенного) слоя (до 0,4–0,5 м) маркировали линзы темно-желтого суглинка – выбросы из ровиков, которые зафиксированы при выборке насыпи и на бровках (рис. 2).

Состав и взаиморасположение зафиксированных останков не позволяют однозначно судить ни о первоначальном количестве умерших и их положении в момент захоронения, ни о том, были ли это, строго говоря, два самостоятельных объекта (по-

* Здесь и далее определения антропологического и остеологического материала выполнены заместителем главного врача Омского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, к.м.н. А.А. Сиротиним.

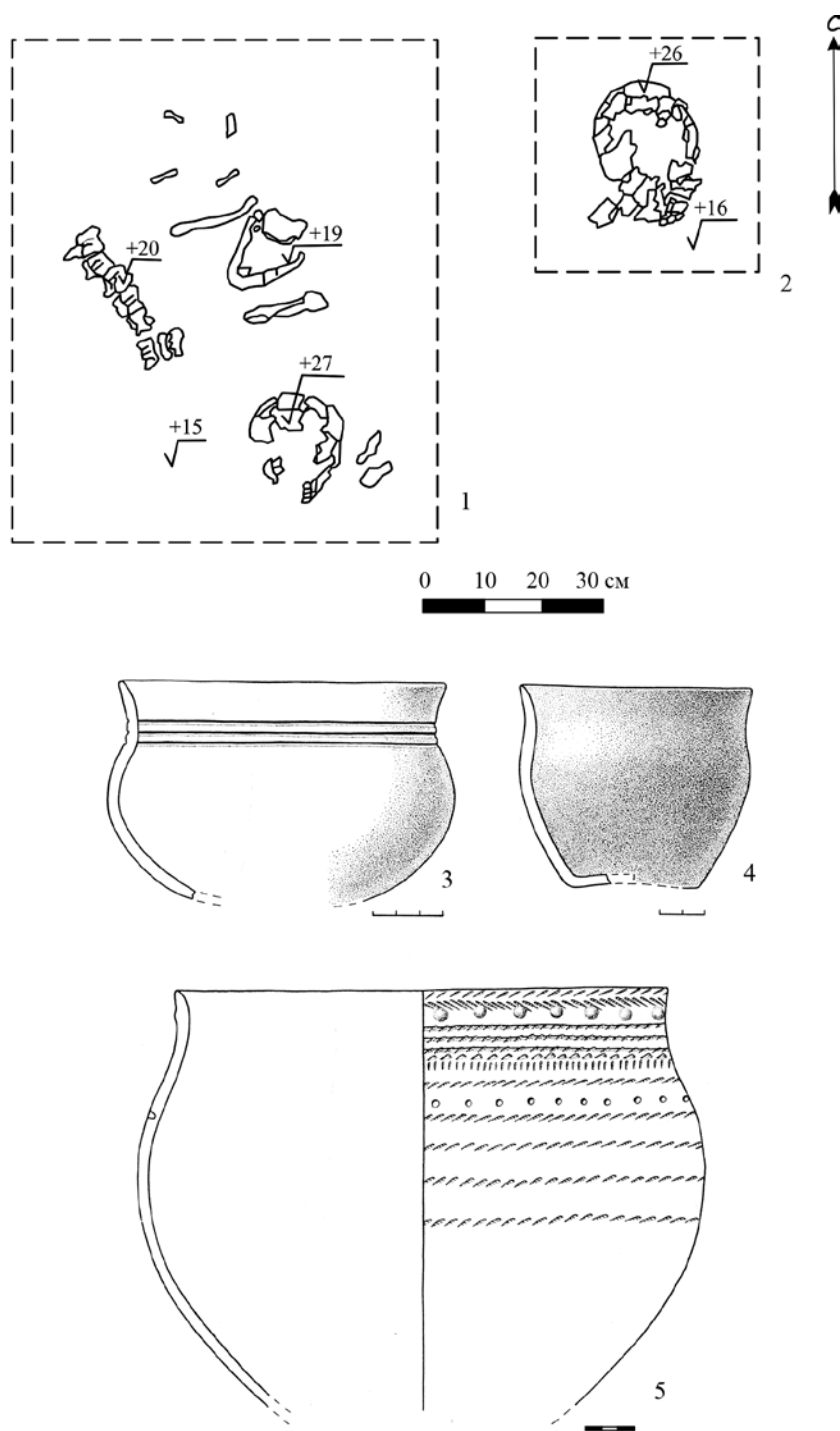

Рис. 3. План погребений (1, 2) и керамические сосуды (3–5) кургана №12 могильника Саргатское-IV

гребения) или же остатки одного коллективного. Также под вопросом остается собственно характер погребений – имела ли место в данном случае ингумация, существенно потревоженная при более поздних (по времени) манипуляциях с останками умерших, либо крайне ограниченный состав антропологического материала и его хаотичное расположение маркирует какие-то формы парциальных захоронений. С определенной степенью вероятности, по ряду косвенных признаков можно предположить, что в кургане были захоронены (неполные?) останки до трех человек (в том числе двух взрослых мужчин), уложенные на «материк». Об ориентации погребенных в таких условиях судить трудно, но, судя по положению черепов и некоторых других костей, допустимо предполагать использование общего направления ЮВ–СЗ.

Территорию собственно погребального комплекса оконтуривала система ровиков (рис. 2), образующих разомкнутый четырехугольник, ориентированный по сторонам света, и, судя по всему, маркирующих т.н. «сакрализованное пространство» [Бобров, 1991, с. 62], или «пространство некросферы» [Корусенко, Полеводов, 2016, с. 240]. Впрочем, наличие перемычек шириной 0,4–0,6 м между ровиками как будто указывает, что доступ «извне» на данную территорию был вполне возможен, по крайней мере, формально или на какой-то период времени. Длина отдельных отрезков (ровиков) колебалась от 11,2 до 12,2 м, ширина – от 0,40 до 0,54 м. Стенки прямые, дно неровное, чашевидное или слабо уплощенное, глубина колебалась от 0,25 (от уровня материка) до 0,45 м. Заполнение ровиков представлено темно-серой супесью, аналогичной по составу слагающей собственно насыпь. В них на разных уровнях обнаружены несколько скоплений костей животных, в том числе (в северном ровике) фрагмент челюсти лошади, а также три керамических сосуда, один в северном ровике (рис. 3.-4) и два – в южном (рис. 3.-3, 5).

Именно эти сосуды играют ключевую роль в культурно-хронологической атрибуции изученного комплекса. Следует сразу оговориться, что такого рода формы сосудов (горшковидные, хорошо профилированные, «средних» и «низких» пропорций, с плоским, округлым или округло-уплощенным дном) вполне характерны для большинства культур эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири [Матющенко, 2001, с. 25, рис. 4.-1, 6, рис. 5–7, 10, 11 и др.; Матющенко, 2006, рис. 3.-2, 4–5, 8 и др.; Потемкина, Корочкова, Стефанов, с. 56, 57]. Тем не менее по меньшей мере два из них (рис. 3.-3, 4), несмотря на практически полное отсутствие орнаментации, можно достаточно уверенно атрибутировать как типичные образцы ирменской столовой (или индивидуальной) посуды, активно использовавшейся, в том числе в ритуальных целях [Молодин, 1985, с. 121–123, рис. 60–62; Бобров и др., 1993, с. 86, рис. 9, 10, 16, 32 и др.; Кунгуров, Папин, 2001, рис. 5, 6]. При этом отсутствие или скудость орнамента, ограничивавшегося зачастую нешироким бордюром (поясками каннелюр или узким валиком) в нижней части шейки, как отмечают исследователи [Молодин, 1985, с. 119], отнюдь не является чем-то из ряда вон выходящим именно для ирменских погребальных комплексов западного ареала культуры, включая Прииртышье [Труфанов, 1991, с. 75, рис. 2; Погодин, Полеводов, 2006, рис. 2–5] (рис. 4.-1–8, 12, 14, 17).

Гораздо более любопытен третий сосуд (рис. 3.-5). Заметно более крупные размеры, присущие обычно т.н. «кухонной» посуде, что дополнительно подчеркивается его типично «поселенческой» орнаментацией, указывают скорее на ситуативное включение этого образца в состав «вещей некросферы» [Корусенко, Полеводов,

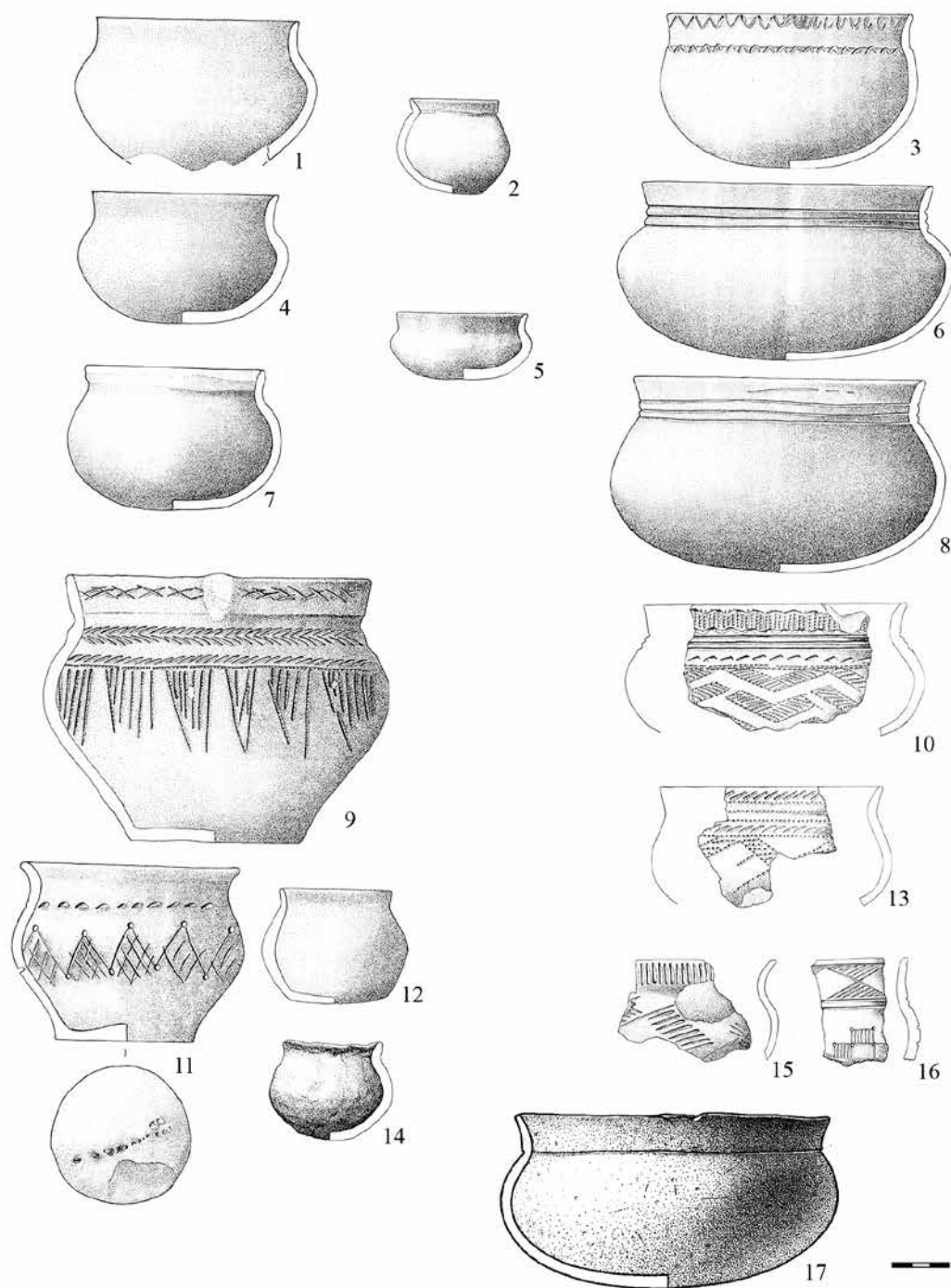

Рис. 4. Ирменская и сузгунская керамика из ирменско-сузгунских погребений лесостепного Прииртышья: 1–16 – Боровянка-ХVII, по: [Погодин, Полеводов, 2006]; 17 – Боровянка-ХХIII, курган 5

2016, с. 244]. Композиционное построение и используемые орнаментальные мотивы являются вполне традиционными для керамических сервизов андронидных культур Тоболо-Иртышья, в первую очередь пахомовской и сузгунской. Желобки с «насечками» в виде коротких оттисков гладкого или гребенчатого штампа вообще считаются специфическим признаком пахомовской орнаментики [Корочкова, 2010, с. 58], но также встречаются в сузгунских и даже позднесузгунских комплексах [Потемкина, Корочкова, Стефанов, с. 53, 56, табл. I–III; Полеводов, 2003, с. 15]. Своеобразие сосуда придает сочетание этого мотива с пояском «жемчужин» на шейке вместо обычных для пахомовской и сузгунской керамики ряда ямочных вдавлений. Однако подобная орнаментальная схема вполне типична для смешанной сузгунско-ирменской посуды (применительно к которой вполне уместна приставка «поздне-»), почти в обязательном порядке присутствующей в составе керамических комплексов ирменских и сузгунских поселений лесостепного и предтаежного Прииртышья [Стефанов, Труфанов, 1988, с. 81, 82, рис. 5; Татаурова и др., 1997, с. 175, рис. 6, 7; Татауров и др., 2011, с. 76, 81, 137–142, рис. 21–23], и столь же синкретичной сузгунско-бархатовской посуды (Чупино, Кучум-Гора) в Приишимье [Голдина, с. 150, 152, табл. 74, 75; Матвеев, Аношко, 2009, с. 193, 201, рис. 98–104]. В свою очередь, «внедрение» «жемчужного» мотива в собственно сузгунскую орнаментальную схему маркирует позднесузгунский тип керамики [Труфанов, 1983, с. 73, табл. 1; Татаурова и др., 1997, с. 178, рис. 7; Глушков, Полеводов, Труфанов, 2001, с. 71, 72, рис. 3.-15, 5.-12] и одноименный завершающий этап развития сузгунских (и в целом андронидных) древностей в Прииртышье и Приишимье, синхронный периоду финальной бронзы или переходному времени от бронзового века к железному [Полеводов, 2003, с. 14, 16–17].

Отметим показательное, на наш взгляд обстоятельство. Собственно форма данного сосуда – широкогорлого, со слабораздутым туловом, с примерно одинаковым соотношением высоты и ширины (диаметра тулова) – по нашему мнению, одинаково близка типам как эпохи поздней бронзы, так и раннего железного века. Преимущество той или иной интерпретации могла бы дать форма дна (плоское или округлое), однако его, к сожалению, не удалось реконструировать, что, однако, не уменьшает впечатления «переходности» облика этого сосуда. В таком ключе отсутствие орнамента на «ирменских» сосудах комплекса (рис. 3.-3, 4) может найти объяснение в контексте общераспространенной тенденции к «обеднению орнаментальных схем» в канун раннего железного века. В лесостепном Прииртышье эту тенденцию особенно отчетливо демонстрирует керамический комплекс финальной бронзы могильника Боровянка-XVII [Погодин, Полеводов, 2006] (рис. 4.-1–16).

Выводы

Таким образом, анализ керамического сервиза кургана №12 могильника Саргатское-IV свидетельствует в пользу его принадлежности смешанному ирменско-сузгунскому населению Прииртышья периода финальной бронзы. Не противоречат этому и иные черты погребального комплекса – в частности система ровиков, оконтуривающих подквадратную или подпрямоугольную площадку, наличие в этих ровиках сосудов и костей животных, захоронения в древней почве или на уровне «материка». В том или ином объеме они характерны для других могильников лесостепного Прииртышья эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзового века к железному –

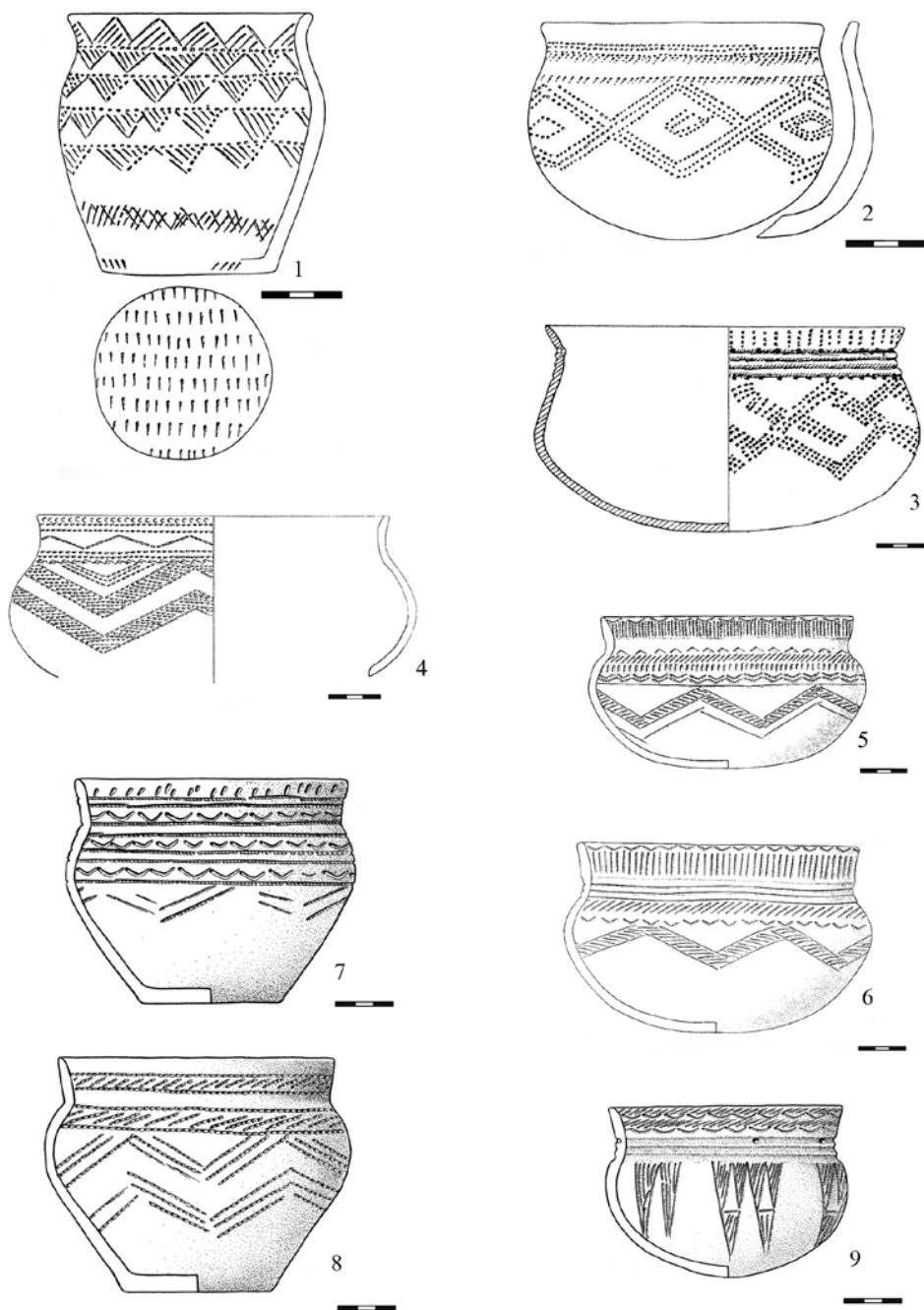

Рис. 5. Сузгунская керамика из погребений лесостепного Прииртышья и северо-западной Барабы: 1, 2 – могильник Протока, по: [Полосьмак, 1985]; 3 – Коконовка-II, курган 1, по: [Могильников, 1968]; 4 – Багаково-XXI, курган 10, по: [Погодин, Полеводов, Плешков, 1997]; 5, 6 – Боровянка-XXVII, курган 10, по: [Полеводов, 2008]; 7–9 – Боровянка-XXVII, курган 25

Калачевке-II [Труфанов, 1991, с. 74, 76, рис. 1], Батаково-XXI, Боровянке-XVII, XVIII, XXIII, XXVII (рис. 4; 5.-3-9, 6). Перечисленные комплексы оставлены ирменским, сузгунским и смешанным ирменско-сузгунским населением, которому, судя по всему, принадлежал и исследованный курган могильника Саргатское-IV.

Как уже отмечалось, наличие андронидной по происхождению керамики в составе керамических комплексов ирменских поселений лесостепного Прииртышья (Сибирская Саргатка-I, Черноозерье-VIII, Розановское городище и др.), по мнению исследователей, отражает специфику среднеиртышского («розановского») варианта ирменской культуры [Стефанов, Труфанов, 1988, с. 84; Потемкина, Корочкова, Стефанов, с. 122], которая, в свою очередь, обусловила несколько иное содержание процессов трансформации ирменской культуры в позднеирменскую в Прииртышье в сравнении с Барабой и Приобьем [Труфанов, 1990, с. 12, 13]. Важно подчеркнуть при этом, что исследователи не подвергали сомнению сузгунскую «природу» андронидных керамических комплексов среднеиртышских ирменских поселений, но при этом большинство из них объясняли (и объясняют) их появление в лесостепи некими «контактами» лесного по происхождению населения с южными соседями [Потемкина, Корочкова, Стефанов, с. 124] либо его экспансией на эти территории.

Сопоставляя эти данные с новыми материалами, в том числе вышеперечисленными погребальными комплексами, можно констатировать, что взаимодействие сузгунского и ирменского населения не исчерпывалось зоной соприкосновения ареалов обеих культур (предтаежное Прииртышье и северо-западная Бараба), но также имело место и в «глубине» освоенного носителями ирменской культуры лесостепного Прииртышья; что это взаимодействие осуществлялось во все время существования ирменских комплексов в Прииртышье, вплоть до переходного времени от бронзового века к железному (включительно); наконец, что характер этого взаимодействия был достаточно тесным, допускавшим не только совместное проживание в поселениях, но даже использование общих кладбищ (Калачевка-II, Боровянка-XXVII).

Наиболее правдоподобным объяснением этому является длительное и, скорее всего, мирное соседство носителей обеих культур в лесостепном Прииртышье. При этом местное, андронидное по происхождению население продолжало сохранять некоторую самобытность и после закрепления лесостепного Прииртышья в ирменском ареале, что подтверждается наличием характерной керамики как в поселениях, так и в погребальных комплексах. Вероятно, носители ирменской культуры доминировали в этом взаимодействии, что нашло выражение, в частности, в определенной унификации обрядовых практик обеих групп населения в части организации сакрализованного пространства, устройстве могил и обращении с умершим (на правом боку скорченно, головой в «южные» секторы), погребальном инвентаре и т.д. Во всяком случае, достоверно сузгунские погребения северо-западной Барабы [Полосьмак, 1987], Приишимья [Мошкова, Генинг, 1972, с. 92, 98] и Ишимо-Иртышской лесостепи (район Крутинских озер) [Полеводов, Шерстобитова, 2017, с. 50, 55], т.е., за пределами освоенной ирменцами территории Прииртышья, демонстрируют ряд выразительных отличий: наличие коллективных погребений, вариативные способы обращения с умершими, доминирование позы вытянуто на спине, преимущественная ориентация на север, значительная роль огня в ритуале [Полеводов, Труфанов, 1997; Полеводов, Шерстобитова, 2017, с. 58, рис. 5].

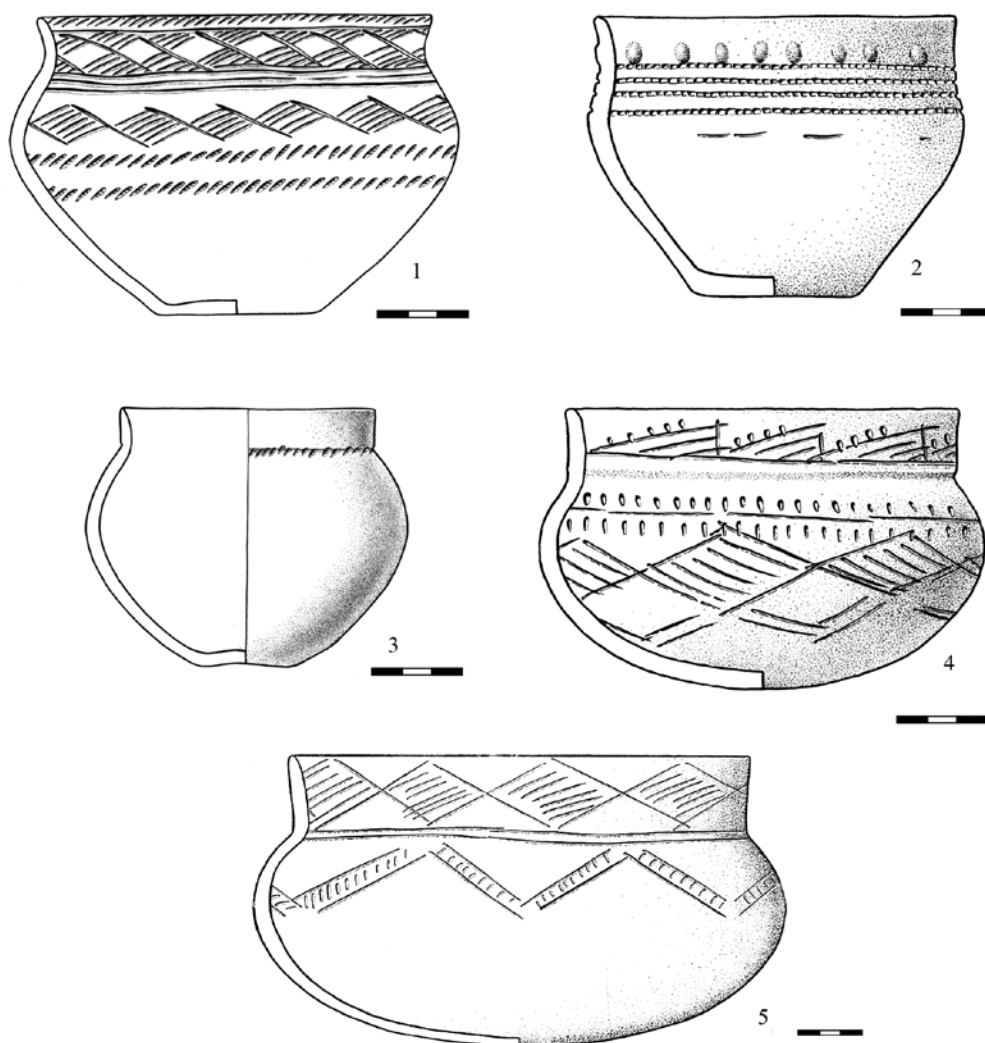

Рис. 6. Ирменская и ирменско-сузгунская керамика из погребений лесостепного Прииртышья: 1, 3 – Боровянка-ХVIII, курган 9; 2, 4 – Боровянка-XXVII, курган 9; 5 – Боровянка-XXVII, курган 23

Обращаем внимание, что все вышеперечисленные погребальные комплексы, будь то собственно сузгунские или сузгунско-ирменские, объединяет ряд общих черт: устройство могил под курганными насыпями в погребенной почве, на уровне или выше материка, а также наличие в сопроводительном инвентаре широкогорлых сосудов низких пропорций с округлым дном и упрощенным геометрическим орнаментом по тулову, а иногда и вовсе без оногo (рис. 3, 4, 5, 6). Эти признаки кардинально отличают данные погребения от пахомовских (Черноозерье-II, Лихачевский, Омская крепость-II, III, Старый Сад)*, для которых характерно помещение умерших в могиль-

* Культурную атрибуцию Усть-Терсюкского 2 могильника в качестве принадлежащего пахомовской культуре [Матвеева, Костомаров, 2009] не считаем бесспорной.

ные ямы, вырытые в материке, в сопровождении плоскодонных горшковидных сосудов, в том числе с ярко выраженными «андроноидными» геометрическими узорами, доминирующими в орнаментальной композиции [Генинг, Стефанов, 1991, рис. 1–3; Герасимов и др., с. 206, 207, рис. 1; Молодин и др., 2017].

Эти факты вполне соответствуют предложенной ранее культурно-хронологической схеме андроноидных культурных образований западносибирской лесостепи, «разводящей» генетически связанные пахомовские и сузгунские древности в рамках последовательных хронологических этапов [Труфанов, 1990, с. 11–12; Полеводов, 2002, с. 113; 2003, с. 16, 17], или «историко-культурных пластов» («пахомово-ордынского» и «межовско-ирменского» соответственно) [Корочкова и др., 1991, с. 84, 85; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 119]*. Ключевой момент в данной схеме заключен в признании общей судьбы и общего тренда культурно-исторических процессов, протекавших в среде родственного андроноидного населения. Смена пахомовской культуры сузгунской в лесостепном и южнотаежном Прииртышье стала результатом имманентных процессов дальнейшего угасания традиций, восходящих к «андроновским предкам», и обретения под воздействием внешних импульсов эпохальных черт, присущих культурам конца эпохи бронзы. Одним из таких импульсов, сыгравшим ключевую роль в судьбе прииртышского андроноидного населения как лесостепи, так и леса, стало его взаимодействие с ирменской культурой.

Показательно, что в целом близкую картину соотношения и взаимодействия ирменского и сузгунского населения демонстрируют материалы Барабы. В позднеирменском «протогороде» Чича-I зафиксировано существование сузгунского анклава, синхронного основному комплексу городища [Чича – городище..., т. 3, 2009, с. 44, рис. 1.-19–21]. Причем исследователи совершенно справедливо усматривают аналогии выявленному там сузгунскому керамическому комплексу не в лесной, а в лесостепной сузгунской (или позднесузгунской) керамике сузгунско-ирменских поселений Прииртышья [Чича – городище..., т. 2, 2004, с. 273]. И это не единственное свидетельство сузгунского присутствия в составе ирменских комплексов Барабы. Керамика с (поздне?)сузгунскими чертами встречена также в слое поселения Преображенка-2 [Членова, 1981, рис. 11.-31, 32] и курганах могильника Преображенка-3 [Молодин, 1985, рис. 62.-2, 3].

Эти факты входят в противоречие с гипотезой, продвигаемой в последние годы новосибирскими коллегами, о синхронности выделяемого ими восточного варианта пахомовской культуры с позднеирменской [Молодин и др., 2016, с. 359; Молодин и др., 2017]. В связи с этим обращаем внимание на отсутствие индикаторной для пахомовской культуры посуды так называемой «нарядной» группы в материалах эталонных памятников ирменской (в широком смысле) культуры Барабы – городище Чича-I и могильнике Преображенка-3 и, в свою очередь, ирменской (или позднеирменской) керамики – в составе комплексов барабинских памятников восточного варианта пахомовской культуры: Старый Сад, Гришкина Заимка, Ложка-6.

Очевидно, что разрешить эти противоречия позволят лишь дальнейшие исследования и оперативная публикация накапливаемых материалов.

* Не считаем в данном контексте принципиальным решение вопроса о положении пахомовских и сузгунских комплексов в иерархии понятий «культура – тип» или «культура – этап».

Библиографический список

Бобров В.В. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск : Омск. ун-т, 1991. С. 60–72.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск : Наука, 1993. 157 с.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андронидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск : Омск. ун-т, 1991. С. 52–60.

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А., Полеводов А.В. Некоторые проблемы изучения бронзового века лесостепного Обь-Иртышья в свете новейших находок в Омске // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 204–209.

Глушков И.Г., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Городище Калугино-1 на Крутинских озерах // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут : РИО СурГПИ, 2000. С. 71–81.

Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // Вопросы археологии Урала. Вып. 8. Свердловск : УрГУ им. А.М. Горького, 1969. С. 138–160.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андронидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург : УралОрИздат, 2010. 104 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тобол-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург : УрГУ, 1991. С. 70–92.

Корусенко М.А., Полеводов А.В. Новые подходы в интеграции археологических и этнографических материалов // Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мёртвых в свете этноархеологических работ : моногр. Омск : Наука, 2016. С. 233–261.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. С. 73–78.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: бархатовская культура. Тюмень : ОАО «Тюменский дом печати», 2009. 416 с.

Матвеева Н.П., Костомаров В.М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 2009. №1. С. 15–25.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть 1. Еловский I курганный могильник. Омск : Омск. гос. ун-т, 2001. 62 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть 3. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. 120 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 180 с.

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. С. 348–352.

Мошкова М.Г., Генинг В.Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука, 1972. С. 87–118.

Погодин Л.И., Полеводов А.В. Комплекс финальной бронзы могильника Боровянка-XVII в Среднем Прииртышье // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 117–133.

Погодин Л.И., Полеводов А.В., Плешков Е.А. Курганный могильник Батаково-XXI – новый погребальный памятник сузудонской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : Омский гос. ун-т, 1997. С. 121–126.

Полеводов А.В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника

Боровянка-XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Концепт, 2008. С. 69–78.

Полеводов А.В. О типологическом и хронологическом соотношении сузгунских и пахомовских древностей // Северная Евразия в эпоху бронзы: время, пространство, культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 111–113.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Полеводов А.В., Труфанов А.Я. О погребальном обряде в сузгунской культуре // Россия и Восток. Археология и этническая история : материалы IV Междунар. науч. конф. Омск: 1997. С. 19–23.

Полеводов А.В., Шерстобитова О.С. Погребальные комплексы сузгунской культуры в Ишимо-Иртышском междуречье (Усть-Китерма-IV, Усть-Китерма-V) // Вестн. Омск. ун-та. Сер. : Исторические науки. 2017. Вып. 3(15). С. 50–61.

Полосьмак Н.В. Работы Западносибирского отряда // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 267–277.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М. : ПАИМС, 1995. 200 с.

Стефанов В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка-I) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 75–88.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. Омск : Наука, 2011. 196 с.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеев-XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск : Омск. ун-т, 1997. С. 162–191.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1983. С. 63–76.

Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачевка-II // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск : Омск. ун-т, 1991. С. 72–78.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 13 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 336 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 248 с.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука, 1981. С. 4–42.

References

Bobrov V.V. Osobennosti pogrebal'nogo obryada irmenskoj kul'tury v Kuznetskoj kotlovine [Features of the Burial Rite of the Irmenskaya Culture in the Kuznetsk Basin]. Drevniye pogrebeniya Ob'-Irtys'h'ya [Ancient Burials of the Ob-Irtyshya]. Omsk : Omsk. un-t, 1991. Pp. 60–72.

Bobrov V.V., Chikisheva T.A., Mikhaylov YU.I. Mogil'nik epokhi pozdney bronzy ZHuravlevo-4 [Zhuravlevo-4 Burial Ground of the Late Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1993. 157 p.

Gening V.F., Stefanov V.I. Mogil'niki andronoidnoj kul'turnoy obshchnosti Ishimskoj lesostepi [Cemeteries of the Andronoid Cultural Community of the Ishim Forest-Steppe]. Drevniye pogrebeniya Ob'-Irtys'h'ya [Ancient Burials of the Ob-Irtyshya]. Omsk : Omsk. un-t, 1991. Pp. 52–60.

Gerasimov YU.V., Korusenko M.A., Polevodov A.V. Nekotoryye problemy izucheniya bronzovogo veka lesostepnogo Ob'-Irtys'h'ya v svete noveyshikh nakhodok v Omske [Some Problems of Studying the Bronze Age of the Forest-Steppe Ob-Irtyshia in the Light of Recent Finds in Omsk]. Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Archaeology of Western Siberia and Altai: Experience of Interdisciplinary Studies]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 204–209.

Glushkov I.G., Polevodov A.V., Trufanov A.YA. Gorodishche Kalugino I na Krutinskikh ozerakh [Kalugino I Hillfort on Krutinsk Lakes]. *Materialy po arkhologii Ob'-Irtyshe'* [Materials on the Archaeology of the Ob-Irtyshe]. Surgut : RIO SurGPI, 2000. Pp. 71–81.

Goldina R.D. Gorodishche Kuchum-Gora [Ancient Settlement of Kuchum-Gora]. *Voprosy arkhologii Urala. Vyp. 8* [Questions of Archaeology of the Urals. Issue 8]. Sverdlovsk : UrGU im. A.M. Gor'kogo. 1969. Pp. 138–160.

Korochkova O.N. Vzaimodeystviye kul'tur v epokhu pozdney bronzy (andronoidnyye drevnosti Tobol-Irtyshe') [Interaction of Cultures in the Late Bronze Age (andronoid antiquities of Tobol-Irtysia)]. Ekaterinburg : UralUrIzdat, 2010. 104 p.

Korochkova O.N., Stefanov V.I., Stefanova N.K. Kul'tury bronzovogo veka predtayezhnogo Tobol-Irtyshe'ya (po materialam rabot UAE) [Cultures of the Bronze Age of the Pre-taiga Tobol-Irtyshe (based on the work of UAE)]. *Voprosy arkhologii Urala* [Questions of Archaeology in the Urals]. Ekaterinburg : UrGU, 1991. Pp. 70–92.

Korusenko M.A., Polevodov A.V. Novyye podkhody v integratsii arkhologicheskikh i etnograficheskikh materialov [New Approaches in the Integration of Archaeological and Ethnographic Materials]. *Etnografo-arkheologicheskiye komplekсы narodov Tarskogo Priirtysh'ya: mogily, mogil'niki, pogrebal'nyy obryad i mir mertvykh v svete etnoarkheologicheskikh rabot : monogr.* [Ethnographic and Archaeological Complexes of the Tarski Priirtyshye Peoples: Graves, Cemeteries, Funeral Rite and the World of the Dead in the Light of Ethnoarchaeological Works: Monogr.]. Omsk : Nauka, 2016. Pp. 233–261.

Kungurov A.L., Papin D.V. Materialy final'noy bronzy arkhologicheskogo kompleksa Malyy Gon'binskiy Kordon-1 [Materials of the Final Bronze of the Malyy Gonbinskiy Kordon-1 Archaeological Complex]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii. Vyp. 3* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography. Issue 3]. Pp. 73–78.

Matveyev A.V., Anoshko O.M. Zaural'ye posle andronovtsev: barkhatovskaya kul'tura [Zauralye after Andronovo People: Barkhatovskaya Culture]. Tyumen' : OAO "Tyumenskiy dom pečati", 2009. 416 p.

Matveyeva N.P., Kostomarov V.M. K voprosu ob osobennostyakh pogrebal'nogo obryada naseleniya pakhomovskoy kul'tury lesostepi Zapadnoy Sibiri [To the Question of the Peculiarities of the Burial Rite of the Population of the Pakhomovskaya Culture of the Forest-Steppe of Western Siberia]. *Vestn. Tyum. gos. un-ta* [Vestnik of Tyumen State. University]. 2009. №1. Pp. 15–25.

Matyushchenko V.I. Elovskiy arkhologicheskii kompleks. CHast' 1. Elovskiy I kurgannyi mogil'nik [Elovsky Archaeological Complex. Part 1. Elovsky I Burial Mound]. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2001. 62 p.

Matyushchenko V.I. Elovskiy arkhologicheskii kompleks. CHast' 3. Elovskiy II mogil'nik. Komplekсы irmeni i rannego zheleznogo veka [Elovskiy Archeological Complex. Part 3. Elovsky-II Burial Ground. The Complexes of Irmen and the Early Iron Age]. Omsk: Izd-vo OmGU, 2006. 120 p.

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Selin D.V., Neskorov A.V. Vostochnyy variant pakhomovskoy kul'tury v Tsentral'noy Barabe [Eastern Version of Pakhomovskaya Culture in Central Baraba]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2017. 180 p.

Molodin V.I., KHansen S., Durakov I.A., Raynkhol'd S., Kobeleva L.S., Nenakhova YU.N., Nenaikhov D.A., Demakhina M.S., Selin D.V. Noveyskiye arkhologicheskiye otkrytiya na pamyatnike Tartas-1 [The Latest Archaeological Discoveries on the Tartas-1 Site]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. XXII* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXII]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2016. Pp. 348–352.

Moshkova M.G., Gening V.F. Abatskiye kurgany i ikh mesto sredi lesostepnykh kul'tur Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Abbatial Barrows and their Place among the Forest-Steppe Cultures of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Pamyatniki YUzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [The Sites of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1972. Pp. 87–118.

Pogodin L.I., Polevodov A.V. Kompleks final'noy bronzy mogil'nika Borovyanka-XVII v Srednem Priirtysh'ye [Complex of the Final Bronze Burial Ground Borovyanka-XVII in the Middle Irtyshe]. *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka* [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Bronze Age]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 117–133.

Pogodin L.I., Polevodov A.V., Pleshkov E.A. Kurgannyi mogil'nik Batakovo-XXI – novyy pogrebal'nyy pamyatnik suzgunskoy kul'tury [Barrow Burial Ground Batakovo-XXI – a New Funerary Site of the Suzgunskaya Culture], Chetvertyye istoricheskiye chteniya pamyati M.P. Gryaznova [Fourth Historical Reading in Memory of M.P. Gryaznov]. Omsk: Omskiy gos. un-t, 1997. Pp. 121–126.

Polevodov A.V. K kharakteristike pogrebal'nogo obryada naseleniya lesostepnogo Priirtysh'ya v epokhu pozdney bronzy – kanun rannego zhelezhnogo veka (po materialam kurgannogo mogil'nika Borovyanka-XXVI) [To the Description of the Burial Rite of the Population of the Forest-Steppe Priirtyshye in the Late Bronze Age – the Eve of the Early Iron Age (Based on the Borovyanka-XXVII Burial Mound)]. Etnokul'turnyye protsessy v Verkhnem Priob'ye i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy [Ethnocultural Processes in the Upper Ob Area and Adjacent Regions at the End of the Bronze Age]. Barnaul : Kontsept, 2008. Pp. 69–78.

Polevodov A.V. O tipologicheskom i khronologicheskom sootnoshenii suzgunskikh i pakhomovskikh drevnostey [On the Typological and Chronological Relationship of the Suzgunskie and Pakhomovskie Antiquities]. Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: vremya, prostranstvo, kul'tury [Northern Eurasia in the Bronze Age: Time, Space, Cultures]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 111–113.

Polevodov A.V. Suzgunskaya kul'tura v lesostepi Zapadnoy Sibiri : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Suzgunskaya Culture in the Forest-Steppe of Western Siberia: the Synopsis of the dis. ... cand. Hist. sciences]. M., 2003. 22 p.

Polevodov A.V., Trufanov A.YA. O pogrebal'nom obryade v suzgunskoy kul'ture [On the Funeral Rite in the Suzgunskaya Culture]. Rossiya i Vostok. Arkheologiya i etnicheskaya istoriya : materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. [Russia and the East. Archaeology and Ethnic History: Materials of the IV International Scientific Conference]. Omsk: 1997. Pp. 19–23.

Polevodov A.V., SHERstobitova O.S. Pogrebal'nyye komplekсы suzgunskoy kul'tury v Ishimo-Irtyshskom mezhdurech'ye (Ust'-Kiterma-IV, Ust'-Kiterma-V) [Burial Complexes of the Suzgunskaya Culture in the Ishimo-Irtysh Interfluvium (Ust'-Kiterma-IV, Ust'-Kiterma-V)]. Vestn. Omsk. un-ta. Ser. : Istoricheskiye nauki. 2017. Vyp. 3(15) [Vestnik of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2017. Vol. 3 (15)]. Pp. 50–61.

Polos'mak N.V. Raboty Zapadnosibirskogo otryada [Works of the West Siberian Detachment]. Arkheologicheskiye otkrytiya 1985 goda [Archaeological Discoveries of 1985]. M., 1987. Pp. 267–277.

Potemkina T.M., Korochkova O.N., Stefanov V.I. Lesnoye Tobolo-Irtysh'ye v kontse epokhi bronzy [Forest Tobol-Irtysh at the End of the Bronze Age]. M. : PAIMS, 1995. 200 p.

Stefanov V.I., Trufanov A.YA. K voprosu o svoeobrazii irmenskoy kul'tury v Srednem Priirtysh'ye (po materialam poseleniya Sibirskaya Sargatka-I) [On the Question of the Peculiarity of the Irmenskaya Culture in Middle Irtysh (Based on the Materials of the Siberian Sargatian-I Settlement) Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urals i Zapadnoy Sibiri [Material Culture of the Ancient Population of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk : UrGU, 1988. Pp. 75–88.

Tataurov S.F., Tataurova L.V., Tikhonov S.S., SHERstobitova O.S., Garkusha M.A. Arkheologicheskiye mikrorayony Zapadnoy Sibiri: teoriya i praktika issledovaniy [Archaeological Microdistricts of Western Siberia: Theory and Practice of Research]. Omsk : Nauka, 2011. 196 p.

Tataurova L.V., Polevodov A.V., Trufanov A.YA. Alekseyev-XXI – pamyatnik epokhi pozdney bronzy predtayezhnogo Priirtysh'ya [Alekseev-XXI – a Site of the Late Bronze Age of the Pre-Taiga Priirtyshye]. Arkheologicheskiye mikrorayony Zapadnoy Sibiri [Archaeological Microdistricts of Western Siberia]. Omsk : Omsk. un-t, 1997. Pp. 162–191.

Trufanov A.YA. Zhertvennoye mesto Khutor Bor-I (o kul'turno-khronologicheskom svoeobrazii pamyatnikov epokhi pozdney bronzy lesnogo Priirtysh'ya) [The Sacrificial Place Khutor Bor-I (about the Cultural and Chronological Originality of the Sites of the Late Bronze Age of the Forest Priirtyshye)]. Etnokul'turnyye protsessy v Zapadnoy Sibiri [Ethnocultural Processes in Western Siberia]. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1983. Pp. 63–76.

Trufanov A.YA. Irmenskiy kurgan mogil'nika Kalachevka-II [Irmensky Barrow of the Kalachevka-II Burial Ground]. Drevniye pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya [Ancient Burials of the Ob-Irtyshye]. Omsk : Omsk. un-t, 1991. Pp. 72–78.

Trufanov A.YA. Kul'tury epokhi pozdney bronzy i perekhodnogo vremeni k zheleznomu veku lesostepnogo Priirtysh'ya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Cultures of the Late Bronze Age and Transitional

Period to the Iron Age of the Forest-Steppe of the Irtysh Region: the Synopsis of the Dis. ... cand. Hist. Sciences]. Kemerovo, 1990. 13 p.

Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi [Chicha – an Ancient Transitional Settlement from the Bronze to the Iron Age Time in the Barabinsk Forest-Steppe. Vol. 2]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2004. 336 p.

Chlenova N.L. Svyazi kul'tur Zapadnoy Sibiri s kul'turami Priural'ya i Srednego Povolzh'ya v kontse epokhi bronzy i v nachale zheleznogo veka [Connections of Cultures of Western Siberia with the Cultures of the Urals and the Middle Volga Region at the End of the Bronze Age and at the Beginning of the Iron Age]. Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha zheleza [Problems of West Siberian Archaeology. The Iron Age]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 4–42.

A.V. Polevodov, M.Yu. Safarov

Ministry of Culture of the Omsk Region, Omsk, Russia;

Omsk State Historical and Cultural Museum-“Starina Sibirskaya”, Reserve Omsk, Russia

**SARGATSKOYE IV BURIAL GROUND. TO THE SPECIFICITY
OF CULTURAL - HISTORICAL PROCESSES IN THE FOREST-STEPPE
PRIIRTYSHYE AT THE END OF THE BRONZE AGE
(based on the materials of the funerary complexes)**

Burial monuments are one of the most informative types of archaeological sources when studying the issues of intercultural interaction, features of cultural and historical processes and chronology issues. This fully applies to the funeral complexes of the final period of the Bronze Age of the forest-steppe Priirtyshye. The article publishes the materials of the burial site of the Sargatsky IV burial ground in the Omsk region, left, in the opinion of the authors, by the carriers of the syncretic culture of the forest-steppe Priirtyshye of the end of the Bronze Age, formed as a result of the interaction of the local andronoid population and the population of the Irmenskaya culture from the Priobye (or Baraba). With the involvement of all known and explored funerary complexes of this time in Priirtyshyshe, the publication raises questions about the specifics of the cultural and historical situation in the region, the regular and continuous interaction of the Irmenskoye and andronoid population of the Irtysh. The cultural origin of the latter is defined by the authors as the Suzgunskaya culture, proceeding from the cultural and chronological scheme according to which the genetically related Pakhomovskie and Suzgunskie antiquities characterize two successive stages reflecting the chronologically different stages of the transformation process of the andronoid cultural complex, which is confirmed, among other things, by the materials of the burial sites under consideration. In this regard, the authors draw attention to the alternative scheme of synchronization of Irmenskie and andronoid antiquities, reconstructed by Novosibirsk colleagues on the materials of Baraba.

Key words: intercultural interaction, funeral monuments, the final period of the Bronze Age, andronoid cultural and historical community, Pakhomovskaya culture, Suzgunskaya culture, Middle Irtysh (Rozanov) variant of the Irmenskaya culture.